

После возвращения с ячменного поля Тан Юйхуэй намеренно держался на расстоянии от Кан Чжэ. Он уже начал бояться, предчувствуя всё, что должно произойти. Вместо волнения он ощущал тупую боль и тревогу. Тан Юйхуэй не мог остановить происходящее. Хотя его сердце уже не переполнялось постоянным восторгом, он чувствовал, как что-то густое и тяжёлое накапливается в нём. Чем больше времени он проводил рядом с Кан Чжэ, тем больше сладость, похожая на густые сливки и прозрачный мёд, таяла от ритмичного биения сердца, превращаясь в молочную жидкость, которая мягко пробуждала его нежное тело.

Но чем больше Тан Юйхуэй пытался незаметно отдалиться, тем более странным становилось его поведение. Он не помнил, что именно делал, — с его точки зрения, всё сводилось лишь к тому, что он чаще искал Кан Чжэ, а затем тихо погружался в молчание и задумчивость. Однако Кан Чжэ ясно давал понять, что считает поведение гостя необычным. Тан Юйхуэй отчётливо чувствовал: пока муравьи по имени Кан Чжэ подтачивали плотину его чувств, сам Кан Чжэ тоже отдалялся от него. Хотя они не были особенно близки, теперь дистанция между ними стала ещё ощутимей.

Кан Чжэ часто заканчивал есть первым, оставлял свою миску и уходил, когда Тан Юйхуэй только садился за стол. Находясь во дворе и, увидев возвращающегося Тан Юйхуэя, Кан Чжэ сразу же уходил в свою комнату в задней части дома. Тан Юйхуэю было трудно не заметить изменений: отчуждение Кан Чжэ было слишком явным. Он даже не пытался это скрыть или что-то объяснить Тан Юйхуэю.

Но действия Кан Чжэ, как ни странно, больше не причиняли Тан Юйхуэю ни малейшей боли. Ему, возможно, не хватало многого, но уж точно не безрассудства и бездумной смелости. Он собирался плыть по течению, позволяя нерешённым проблемам расти, но молчаливое уклонение Кан Чжэ уязвляло гордость Тан Юйхуэя, а в вопросах поиска истины он, как будущий учёный, всегда был последователен.

Ещё несколько раз всё обсудив с Кэ Нином, он пришёл к выводу, что гипотеза «Тан Юйхуэй влюбился» действительно имеет место. Хотя это было первое открытие в рамках данной теории с учётом специфических переменных, нельзя было отрицать, что, возможно, на горизонте маячит истина. Тан Юйхуэй несколько раз пытался поговорить с Кан Чжэ, но тот искусно уклонялся от разговора.

Кэ Нин был далеко в Пекине, у Тан Юйхуэя здесь не было ни родных, ни друзей, он был совершенно один, безо всякой поддержки. В полном отчаянии он решил пойти обходным путём — обратился к семье Кан Чжэ.

К своей радости и счастью, Тан Юйхуэй обнаружил, что очень понравился родителям Кан Чжэ. В тот день на ячменном поле они проявили к нему исключительное расположение. Мама Кан Чжэ почти не говорила по-китайски, отец говорил чуть лучше, но с сильным сычуаньским акцентом. Тан Юйхуэй помнил, как неловко стоял на поле, едва перекинувшись с ними парой слов, и почти ничем не помог. Но мама Кан Чжэ всё время смотрела на него с очень доброй и нежной улыбкой, а потом, прищурившись, что-то сказала Кан Чжэ. Тот рассмеялся, а Тан Юйхуэй с трепетом спросил, что сказала тётя. Белые облака плыли над их головами, улыбка Кан Чжэ казалась растянутой во времени, неторопливой, как солнечный свет, льющийся на колышущиеся под ветром поля. Он лениво приподнял уголок губ:

— Она сказала, что никогда не видела более красивого юноши, чем ты. Ты кажешься ей добрым, наверное, у тебя есть кармическая связь с Буддой.

Тан Юйхуэй не раз делали комплименты по поводу внешности, но впервые он почувствовал такую радость. Его щёки мгновенно покраснели, как у младенца, которого мать впервые поцеловала в лоб. Он украдкой взглянул на всё ещё улыбающиеся губы Кан Чжэ и подумал: «Ты веришь в Будду и так красив — твоя связь с ним наверняка ещё глубже, чем моя».

Кан Чжэ взял от родителей лучшее: он был статный, с прекрасными чертами лица. Особенно хороши были большие, чистые, с оттенком холодной синевы глаза, которые у Кан Чжэ казались глубокими, а у его матери — ясными. Высокая, как пик, переносица и чётко очерченный подбородок достались ему от красивого и мужественного облика отца. Однако Тан Юйхуэй казалось, что между Кан Чжэ и его семьёй есть существенная разница. Несмотря на очевидное внешнее сходство, ему было трудно представить Кан Чжэ частью этой семьи.

Родители Кан Чжэ обладали красотой, не уступающей ханьским стандартам, а с возрастом их очарование стало лишь глубже. Но их красота была сдержанной и отражала простоту, доброжелательность, искренность и дружелюбие этнических меньшинств высокогорья. Нельзя сказать, что Кан Чжэ был лишён этих качеств, просто он был не таким, как они. Кан Чжэ не был похож ни на родителей, ни на других местных жителей, но Тан Юйхуэй чувствовал, что Кан Чжэ — неотъемлемая, естественная часть этих гор и рек. Кандин бесспорно был его родиной, самым подходящим ему и достойным его местом.

Родители Кан Чжэ очень понравились Тан Юйхуэй. В тот день, когда Тан Юйхуэй познакомился с ними на поле, они не только лично отвезли его обратно в гостиницу на своём маленьком грузовичке, безжалостно приказав Кан Чжэ возвращаться в одиночку на мотоцикле, но и пригласили Тан Юйхуэй в гости в любой удобный для него день.

Перед уходом мама Кан Чжэ долго о чём-то говорила с ним, всё время поглядывая на Тан Юйхуэя. Несмотря на языковой барьер, Тан Юйхуэй понял, что женщина просит Кан Чжэ позаботиться о нём, и смутился.

Однако с того дня, столкнувшись с неприкрытой холодностью Кан Чжэ, Тан Юйхуэй так и не смог прояснить ситуацию. Его попытки сблизиться оказались тщетными, а слишком хрупкое зарождающееся чувство разбилось о скрытую твердыню равнодушия. К счастью, цепляясь за своё почти уничтоженное самолюбие, он в отчаянии обратился к последнему средству — напомнил о приглашении в гости к родителям Кан Чжэ.

Как и ожидалось, едва услышав это, Кан Чжэ сделал страдальческое лицо — его обычное выражение, когда он не хотел связываться с чем-то хлопотным. Но Тан Юйхуэй знал, что тибетцы всегда держат слово, не прибегая к уловкам и недомолвкам. Если они кого-то приглашают, то делают это от чистого сердца. Отказаться было бы невежливо.

И правда, Кан Чжэ не считал слова родителей формальностью. Спросив у Тан Юйхуэя, когда он хочет съездить в гости, Кан Чжэ достал телефон и позвонил домой. Тан Юйхуэй не понимал тибетского и по тону разговора догадался, что родители Кан Чжэ очень рады. Равнодушное лицо Кан Чжэ стало покорным.

Повесив трубку, Кан Чжэ прохладно улыбнулся Тан Юйхуэю:

— Родители сказали, что если тебе удобно, они ждут тебя завтра. — Подумав, он добавил: — Не валяйся в постели утром: ходим на рынок, купим что-нибудь с собой.

Тан Юйхуэй, разумеется, мило и покладисто ответил:

— Хорошо.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод